

УДК 316.624.3
ББК 87.6

ЭКСТРЕМИЗМ И ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ ¹

Е.В. Ефанова

В статье предпринята попытка научной рефлексии сущностных аспектов человеческого бытия на основе причинных оснований экстремистского поведения социальных субъектов в современном обществе. Показано отличие экстремизма от экстремальности, которая несет в себе личностное начало.

Ключевые слова: экстремизм, экстремальность, экстремистская деятельность, человеческое существование, человек.

Экстремизм — одно из социально-политических явлений современности, которое, преодолев границы национальных государств, цивилизаций, превратилось в неотъемлемый атрибут существования социумов, народов, человечества. Он известен с древних времен, с той поры, когда власть над другими людьми стала приносить определенные материальные выгоды и превратилась в этой связи в предмет потребности определённых индивидов, стремившихся достичь заветной цели любыми путями. Цель оправдывала средства, и лица, жаждущие власти, не останавливались перед применением самых жестоких и крайних мер, включая устранение, открытое насилие, убийства, терроризм [1; 54].

Концептуализация «экстремизма» произошла в начале XX века, где отличительным признаком было названо требование от его приверженцев абсолютной веры в исповедуемые политические идеалы [15; 29]. Позднее широкое распространение получила конфликтологическая парадигма изучения экстремизма, где широкую известность обрели так называемые школы «политических реалистов» (Г. Моргантау, Р. Нирбут) и «политических идеалистов» (Дж. Дикинсон, А. Зиммерн, Ф. Ноэль-Бейкер). В основе концепции представи-

телей «политического реализма» лежит идея борьбы за власть, которую они считают обязательным условием исторической эволюции общества. Более того, важное значение в политической борьбе придается использованию насильственных приемов и методов, применение которых возможно на территории, как своей страны, так и других государств. «Политические идеалисты» убеждены, что в основе общественного развития должна находиться не борьба, а реализация, заложенных в людях с момента их рождения, морально-этических идеалов. Однако нужно отметить, что в современной западной научной мысли возобладала точка зрения, согласно которой насилие есть неизбежный атрибут политического процесса.

Социологи определяют экстремизм как приверженность к крайним взглядам и мерам. Ещё Э. Дюркгейм рассматривал девиантное поведение как отклоняющееся от групповых норм. «Несоблюдение нормы как меры допустимого для сохранения и развития системы ведет к социальным отклонениям, которые могут быть либо положительны (творчество, прогресс), либо отрицательны (социальная патология)» [7; 45].

В рамках психологического, личностно ориентированного подхода экстремизм трактуется как форма политического поведения индивида, характеризующаяся сильным эмоциональным компонентом. Экстремальность

«отличает природный, стихийный характер, что проявляется не только в активности человека, но и в активности внешней среды (стихийные бедствия, природные катаклизмы), а также такое поведение, которое в критических ситуациях исходит из единственно возможных решений, обеспечивающих выживание и спасение» [18; 85]. Экстремизм в отличие от экстремальности несет в себе личностное начало. Экстремистскому поведению всегда сопутствуют агрессия и агрессивность, при этом - агрессия - это действие человека, направленное на нанесение вреда другому, а агрессивность - скорее готовность к таким действиям. В психологическом плане агрессия выступает как кратковременное действие, она может быть сознательно или подсознательно мотивированной, а может и не быть таковой. Экстремизм же, как правило, предполагает мотивированное поведение.

С философской точки зрения, необходимо осознание того факта, что в самой природе человека заложено стремление к экстремальности, принуждающее его идти по пути постоянного движения и развития. Понятия «экстремизм» и «экстремальность» несут в себе значение интенсивности, напряженности, остроты. Однако всё экстремальное имеет свою внутреннюю логику, вызывается необходимостью и подчиняется закономерностям, в то время как экстремистское поведение всегда отмечено эгоцентризмом и своеволием. Кроме того, экстремальность - это не всегда кризис или конфликт, она лишь заостряет проблему, акцентируя внимание на чем-то новом, как правило, более значимом, более высоком.

В целом, философия экстремальности имеет античные корни, где в частности, Аристотель отмечал, что «экстремальность проявляет себя как наискорейшее движение, проходящее по наикратчайшей линии» [21; 74]. В дальнейшем в рамках философии экзистенциализма признавалось, что пограничная ситуация экзистенциализма – есть экстремальная ситуация. У М. Хайдеггера это «экзистенциальный страх, в отличие от житейского страха он не связан с боязнью потерять жизнь или жизненные блага, а представляет собой боязнь не найти такое предназначение, ради которого человек может добровольно пожертвовать жизнью и её благами» [17;

278]. У Ж.-П. Сартра – это «тошнота», переживание беспочвенности всех ожиданий, скука - предчувствие бесполезности любых практических начинаний [17; 279]. Таким образом, «экстремизм» отличен от понятия «экстремальность» и отражает «деструктивно-деятельностный характер человеческой сущности, направленный на периферию процесса укоренения бытийного статуса, характеризует крайние устремления индивида в условиях процесса экстремального развития; представляет специфическую форму отчуждения, ориентированную на уничтожение регулярной идентичности» [21; 72]. Данные явления соотносятся как частное и общее, где экстремизм представляет конкретную идеологию и систему деятельности, а экстремальные явления – сопутствующий процесс развития системы.

И, наконец, сторонники политической теории стремятся увязать сущность экстремизма с тем объектом, против которого он направлен. В этом плане характерна трактовка утверждающая, что «...экстремизм выступает против сложившихся общественных структур и институтов, пытается подорвать их стабильность, расшатать и низвергнуть ради достижения своих целей, как правило, силовыми методами...» [13; 30]. В политическом плане экстремизм выступает против сложившихся общественных структур и институтов, пытается подорвать их стабильность, в идеологическом - отрицает всякое инакомыслие, пытается жестко утвердить свою систему политических, идеологических или религиозных взглядов, навязать их оппонентам любой ценой.

Экстремизм следует отличать и от близких к нему по смыслу понятий, так как есть вероятность его смыкания с крайним радикализмом, терроризмом, нигилизмом [3; 23]. В связи с этим, полагаем, что необходимо внести ряд методологических уточнений. Радикализм, может рассматриваться как самостоятельное, отличающееся от экстремизма, явление, поскольку не выходит за установленные законом пределы. Экстремизм и терроризм всегда имеют деструктивную антигосударственную, антиобщественную и античеловеческую направленность. «Экстремизм и терроризм – явления достаточно близкие, хотя автоматической связи между ними нет: если

видно, что всякий террорист - это экстремист, то неправильно было бы полагать, что каждый экстремист - террорист. Разумеется, экстремизм как определенное умонастроение логически ведет к оправданию террора, но вовсе не обязательно доходит до этой точки» [12; 68]. То есть терроризм есть деятельность, осуществляемая в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, либо оказания воздействия на принятие решений органами власти. Нигилизм, как непримиримое отрицание чего-либо, более широкое явление, которое может проявляться в различных как экстремистских, так и не-экстремистских формах. Следовательно, применительно к рассматриваемым понятиям, нигилизм, наряду с прочими формами проявления, включает в себя и экстремизм, и радикализм, и терроризм.

Таким образом, междисциплинарный научный анализ позволят трактовать экстремизм и как идеологию, и как политику, и как инструмент достижения определенных целей [14; 216]. Иными словами, экстремизм есть не что иное, как практика негативных социальных действий и взаимодействий, это деятельность, построенная на отрицательных социально-психологических установках (агрессии, неприятии), их защите, в том числе и насильственными методами. Это абсолютизация социального противостояния размежевания имеет следующие субъектно-объективные объяснения.

1. Дисбаланс стратификационной системы общества. Являясь субъектами политики, индивиды и социальные группы руководствуются в своих действиях определенными интересами, которые во многом обуславливаются местом политических факторов в социальной структуре [4; 21–22]. П.Кларк отмечает, что: «рассмотрение человека как политического существа покоится на убеждении в том, что такие социальные показатели, как роль, статус, профессия, доход - принципиальные определяющие факторы индивидуального политического поведения» [6; 60].

Социальная структура представляет собой совокупность общностей, а также систему взаимоотношений между ними. Эта структура всегда имеет иерархический характер, предполагает определенную стратификацион-

ную шкалу. Следовательно, неравенство, в том числе и социальное, неустранимо. Более того, оно имеет положительное значение для общества в целом, так как оказывается важнейшим источником состязательности, конфликтности, стимулирующим жизненную энергию человека [8; 15]. Более того, стратификация и неравенство являются мощными стимулами общественного развития [9; 67].

Социальное неравенство является одним из источников социальных конфликтов, в том числе и экстремистской направленности. Каждая группа общества стремится улучшить свое положение, расширить объем социальных благ, которыми она располагает. При этом большое значение имеет овладение властью, которое дает возможность контролировать распределение социальных благ в масштабах всего общества. Т. Ванханен отмечает, что «люди должны бороться за власть, так как это конечный путь к распределительному контролю над ресурсами» [6; 62]. Поэтому социальные конфликты с неизбежностью приобретают политический характер. Форма реакции индивидов и групп на структурные процессы в таких случаях зависит от системы властных отношений в обществе.

2. Особенности господствующей политической культуры. Значительное влияние на способы политического поведения, средства, используемые субъектами политики для достижения своих целей, оказывает политическая культура общества, во многом обуславливающая стабильность социальной и политической системы. Особым типом политической культуры является «культура насилия», содержание которой обуславливается особенностями исторического развития страны, традициями и ценностями общей культуры, спецификой этнической психологии.

С одной стороны, насилие может стать образом жизни, принятым образцом поведения, санкционируемым нравами и традиционной моралью. Так, Ф. Ферраротти замечает, что «существуют культуры, которые стимулируют, оправдывают, «эстетизируют» насилие» [6; 119]. С другой стороны, «культура насилия» оказывает конкретное влияние на социальную деятельность субъектов, которая осуществляется в соответствии с определенными программами,

конструирующими, интегрирующими и организуемыми социум.

В целом, проявление «культуры насилия», масштабы его применения в обществе во многом зависят от функционирующего политического режима и установившегося соответствующего ему типа политической культуры. Политические сообщества, где господствуют либерально-демократические ценности, характеризуются относительно незначительным использованием насилия. Политические системы с недемократической культурой отличаются широким применением в основном государственного насилия. Этому способствует господство в недемократической культуре таких ценностей, как нетерпимость к инакомыслию, приоритет силового решения проблем над правовым, ориентация на абсолютную победу в политическом противоборстве.

3. *Особенности личности, стимулирующие определённый стиль поведения.* Неотъемлемыми качествами экстремиста служат дефицит духовности, сужение и убожество внутреннего мира, присущее фанатикам и анархистам [16; 1019]. «В душевной основе анархизма, - пишет Н. Бердяев, - лежит революционное бунтующее чувство обиды, жизненной неудачи, злопамятства против тех ценностей и благ, которые не дали и которые чувствуются чужими. Идеология анархизма близка черни, босякам, выброшенным за борт социальной иерархии. Анархическая страсть к разрушению рождается из чувства ненависти и мести» [2; 204].

За рубежом накоплен определённый опыт исследования психологических аспектов насилия. З. Фрейд писал об «инстинкте смерти», который обуславливает разрушительное поведение человека [19; 11–12]. К. Лоренц, указывая на агрессивность человеческой природы, писал, что «она подталкивает к ожесточённой борьбе две политические партии или религии, несмотря на поразительное сходство их программ всеобщего благополучия; она заставляет какого-нибудь Александра или Наполеона жертвовать миллионами своих подданных ради попытки объединить под своим скипетром весь мир» [11; 233]. Однако, Э. Фромм не считал, что человеческая деструктивность имеет инстинктивный характер, ибо злокачественная агрессия, выражающая-

ся, в частности, в насилии, свойственна двум типам личности: садистскому и некрофильскому [20; 244]. Таким образом, предметом анализа являются отдельные черты такой личности, не связанные между собой в единую систему.

4. *Ведущий уровень саморегуляции поведения личности и место агрессивных проявлений в общей структуре деятельности субъекта* можно условно подразделить на три класса.

Первый класс составляют условия, в которых акты агрессии осуществляются на уровне деятельности, побуждаясь соответствующими агрессивными мотивами, а саморегуляция поведения протекает на наиболее высоком, личностном уровне. Выбор агрессивной или неагрессивной формы поведения, соотношение ее с общепринятыми нормами осуществляются на иерархически более высоком уровне [10; 43]. Акты агрессии в этом случае осуществляются на уровне народных масс, совокупная деятельность которых - результат целенаправленной работы политической элиты.

Второй класс образуют условия, в которых акты агрессии релевантны уже не деятельности в целом, а соотносятся с уровнем действий. Под влиянием эмоционального напряжения поведение утрачивает мотивосообразность, а активность направляется насыщенными, ситуационно возникшими целями. Ведущим уровнем, детерминирующим характер и специфику поведения, при этом становится не личностно-смысловой, а индивидуальный. Контроль за осуществлением действий при этом либо практически отсутствует, либо носит ситуативный характер.

Последний класс составляют условия, регресс в которых достигает уже не индивидуального, а индивидуального уровня. Активность теряет мотивосообразность, нарушается целесообразность, поведение разворачивается в форме отдельных операций или динамических стереотипов, носит хаотический характер, проявляющийся в форме двигательных стереотипов. Нарушение сознания достигает столь глубокой степени, что у субъекта практически утрачивается способность к адекватному отражению и целостному осмыслению происходящего, по существу полностью нару-

шаются произвольность и опосредованность поведения, блокируются звено оценки, способность к интеллектуально-волевому самоконтролю и саморегуляции. На этом уровне саморегуляции нивелируются как личностные, так и индивидуальные особенности субъекта [1; 96]. Таким образом, субъект разрушает не только свою личность, но и личности субъектов из общего социального

Таким образом, существует множество точек зрения относительно природы возникновения экстремизма. Для одного его истоки заложены в самой природе человека, в стремлении к экстремальному, радикальным формам проявления поведения, взглядам. Для других, причина девиантного и делинквентного поведения коренится в культурно-психических состояниях, отклонениях индивидов, что зачастую объективно ведет к возникновению социального конфликта, а значит, и экстремизма. В месте с тем, обобщая практику теоретических интерпретаций на предмет осмысления экстремизма важно руководствоваться двумя моментами. Во-первых, исторической значимостью и многочисленностью вариантов комбинаций по линии субъект – объект. Во-вторых, идеологической насыщенностью. Всякое определение не может быть полностью «свободным» от определенной тенденциозности и идейно-политической ангажированности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №11-33-00367а2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта / А.С. Ахиезер. – М., 1991.
2. Бердяев, Н. Философия неравенства / Н. Бердяев. – М., 1990.
3. Грачев, А.С. Политический экстремизм / А.С. Грачев. – М., 1987.
4. Гурба, В.Н. Терроризм в контексте социальных процессов современности. Дис. ... кан. социол. наук: 22.00.04 / В.Н. Гурба. – Новочеркасск, 2002.
5. Дмитриев, А.В. Насильственные политические конфликты / А.В. Дмитриев, И.Ю. Залысин. – М.: Современная гуманитарная академия, 2007.
6. Дмитриев, А.В. Насилие: социо-политический анализ / А.В. Дмитриев, И.Ю. Залысин. – М., 2000.
7. Зайналабидов, А.С. Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи Дона / А.С. Зайналабидов, В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ. – 2003.
8. Здравомыслов, А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания / А.Г. Здравомыслов // Социологические исследования. – 1993. – № 8.
9. Комаров, М.С. Социальная стратификация и социальная структура / М.С. Комаров // Социологические исследования. – 1992. – № 7.
10. Кудрявцев, И.А. Деятельностный подход при экспертном анализе агрессивно-насильственных правонарушений / И.А. Кудрявцев, Н.А. Ратинова, О. Ф. Савина // Психологический журнал. – 1997. – № 3.
11. Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. – М., 1994.
12. Мирский, Г.И. Экстремизм, терроризм и внутренние конфликты в «третьем мире» / Г. И. Мирский // Мировая экономика и международные отношения. – 1988. – № 8.
13. Морозов, И.Л. Политический экстремизм - леворадикальные течения / И.Л. Морозов // Учебное пособие для студентов и аспирантов. – Волжский. Издательство ВФ МЭИ, 2002.
14. Писаренко, О.Н. Экстремизм как социальное явление / О.Н. Писаренко // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. - Вып. 9.
15. Сазонов, И.А. Политический экстремизм и проблема его категориального осмысления / И. А. Сазонов // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. – 2002. – № 2.
16. Силин, А.А. Духовность против терроризма / А.А. Силин // Вестник Российской Академии наук. – 2003. – Том. 73, № 11.
17. Соловьев, Э.Ю. Экзистенциализм (историко-критический очерк) / Э.Ю. Соловьев // Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры. – М.: Политиздат, 1991.
18. Томалинцев, В. Н. Введение в социальную экстремологию / В. Н. Томалинцев, А. А. Козлов. – СПб., 2005.
19. Фрейд, З. Психопсихология. Религия. Культура / З. Фрейд; пер. с нем. – М., 1992.
20. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм; пер. Э. М. Телятниковой. – М., 1994.
21. Хоровинников, А.А. Экстремизм и экстремальные явления как факторы травматогенных изменений социальной действительности / А. А. Хоровинников // Научный молодежный ежегодник. Вып. II. Ч. 1. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2007.

EXTREMISM AND EXTREMALITY IN THE HUMAN MEASUREMENT

E.V. Efanova

In article attempt of a scientific reflection of intrinsic aspects of human life on the basis of the causal bases of extremist behavior of social subjects in modern society is undertaken.

Key words: *extremism, extremeness, extremist activity, human existence, person.*